

КОНФИГУРАЦИИ ПРАВА: КАК ДЕЙСТВУЕТ ЗАКОН О «ПРОПАГАНДЕ» В ШКОЛАХ

Александр Александрович Кондаков*

Европейский университет в Санкт-Петербурге;
Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Кондаков А.А. (2017) Конфигурации права: как действует закон о «пропаганде» в школах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(5): 187–206.

Аннотация. Это исследование выполнено в духе нового правового реализма. Исследуются отношения власти, которые подвержены динамичной конфигурации в результате действия новой правовой нормы, призванной регулировать взаимодействия между людьми по поводу сексуальности. Используемый подход выстроен в рамках социологии права и квир-теории, которые основывают аналитические понятия на концепции власти Мишеля Фуко. Основная цель исследования — выявить эффекты закона о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений» на повседневные взаимоотношения между людьми. При этом исследуется не общество в целом, но случаи обсуждения этого закона школьными учителями в Санкт-Петербурге в рамках эмпирического исследовательского проекта. Исследование основано на сравнительно небольшом количестве полуструктурированных биографических интервью с «повседневными экспертами» — теми людьми, которые на собственном опыте познают эффекты законодательных инициатив. Было проведено 11 интервью с педагогами среднеобразовательных школ, которые определяют свое дружественное отношение к ЛГБТ. Это обстоятельство имеет методологические ограничения, однако в задачи исследования не входит широких обобщений, скорее перед автором стоит вопрос о применимости методов социологии права для анализа возникших правовых отношений в результате принятия закона о «пропаганде». Обсуждение гомосексуальности, которое цензурируется указанным законом, является в современных школах табу, согласно данным исследования. Закон инструментализируется разными субъектами отношений власти в школе для оказания давления на учителей и является в этом смысле не уникальным инструментом контроля.

Ключевые слова: ЛГБТ, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений, законодательство, Санкт-Петербург, школа

Введение

С введением в действие закона о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений» в 2013 г. связываются как минимум два эффекта. С одной стороны, это увеличение насилия против ЛГБТ (лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендерных людей), о котором можно судить по росту количества приговоров по преступлениям против этих групп граждан

* E-mail: akondakov@eu.spb.ru

с 33 в 2012 г. до 65 в 2015 (Кондаков 2017: 66). Другим эффектом стало увеличение публикаций по темам, связанным с ЛГБТ, в СМИ — эффект прямо противоположный задумке законодателей (Пронкина 2016). Эти эффекты можно было предугадать, поскольку они следуют из самого дизайна правовой нормы: негативная риторика текста закона коррелирует с негативными чувствами и действиями граждан по поводу регулируемого феномена, легитимирует насилие (Sheffield 1995: 438; Meyer 2010), а попытка цензуры — вызывает интерес к цензурируемому (Butler 1997: 130). В социологии права такие социальные последствия юридических актов подробно изучены и хорошо описаны. Гораздо меньше внимания уделено тому, как законы влияют на микровзаимодействия между людьми, их взаимоотношения друг с другом в повседневности. Эта статья — анализ таких повседневных взаимоотношений в связи с законом о «пропаганде». Таким образом, применяются методы гендерных исследований наравне с методами социологии права.

Одно из направлений социологии права, правовой реализм, фокусируется на исследовании того, как законы применяются самими людьми (Волков 2011; Кондаков 2015). В классических исследованиях, выполненных в рамках этого подхода, нормы права приобретали свою конечную форму, когда применялись «законниками» — специалистами, призванными превращать право в жизнь: судьями, полицейскими, прокурорами (Freeman 2005; Волков 2011). Этот подход активно развивается и в России (Hendley 2017; Титаев, Шклярчук 2016; Иванова 2015). Однако в российской науке очень редко встречаются исследования, нацеленные на анализ применения норм права людьми, в профессиональные обязанности которых не входит манипулирование законами, и в ситуациях, которые напрямую не требуют правовой оценки. Постановка исследовательских вопросов в этой области определяет еще один поворот в социологии права — новый правовой реализм (Erlanger et al. 2005; Sarat, Simon 2001).

С одной стороны, почти любые наши повседневные действия могут в определенных случаях актуализировать ту или иную норму права, хотя чаще всего это происходит лишь в конфликтных ситуациях. С другой — люди далеко не всякий раз соотносят свои поступки с текстом закона, поскольку его вмешательство не является само собой разумеющимся. Тем не менее, право почти постоянно незримо присутствует в наших взаимоотношениях друг с другом и явным или неявным образом регулирует их. К примеру, Мариана Вальверде детально задокументировала как огромное количество законов разного уровня обуславливают не только действия людей в городской среде, но и само материальное воплощение города Торонто (Valverde 2012). Высота травы газона, ассортимент уличных ларьков с едой, права собственности — все это и многое другое регулируется писаными

нормами Канады, провинции Онтарио, города Торонто и его муниципалитетов в примере Вальверде. Однако все это также приобретает свою конкретную форму в практиках и интерпретациях, которые совершают по поводу этих норм сами люди, стригущие газоны, продающие и покупающие еду на улице, оформляющие договоры купли-продажи недвижимости. Эти профессионалы и обыватели воплощают нормы права в своих повседневных действиях. Они восприняли первоисточники законов разными способами: прочитали кодексы и судебские решения, узнали от соседа, положились на собственное чувство справедливости. Новый правовой реализм предлагает учитывать такую сложную социологическую картину при анализе бытовых норм права.

Новые нормы, принимаемые законодателями, являются удачными объектами для анализа, поскольку позволяют отслеживать ситуации, которые складываются после их принятия в сопоставлении с прошлым опытом. Это в свою очередь дает исследовательские инструменты для определения эффектов или последствий правовых норм — тех отпечатков на социальных отношениях, которые остаются в результате действия правовой нормы. При этом речь идет не о правовых последствиях применения закона (например, когда преступник отправляется в тюрьму благодаря применению судьей статьи Уголовного Кодекса в обвинительном приговоре), а о социальных эффектах (когда само наличие нормы права каким-то образом меняет отношения между людьми). В задачи этого исследования входит определение того, как меняются отношения между людьми в результате принятия закона о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений». Ответ на этот вопрос будет существенно ограничен рамками эмпирического исследования, проведенного в среднеобразовательных школах. То есть этот ответ не будет полным, но позволит хотя бы отчасти изучить повседневное действие закона в замкнутой институциональной среде.

Конфигурации правовых норм

Заслуженный научный сотрудник Университета Висконсин-Мэдисон, одного из основных источников теорий правового реализма, Боавентура де Соуза Сантуш различает три типа права по его социальным эффектам (Souza Santos 2015). Конфигурационное право сохраняет те отношения власти, которые уже доминируют в обществе. Реконфигурационное право используется законодателями, чтобы изменить существующие в обществе отношения и перераспределить силы, это реформаторские законы. Наконец, префигурационное право — это «перформативное право, закон, который на практике выражает надежды на другое общество, основанное на абсолютно иных отношениях власти» (Souza Santos 2015: 132). Ученый связывает последний тип права с нормами, которые создавались во время недавних

протестных движений, вызванных мировым экономическим и политическим кризисом в 2008–2012 гг. Префигурационное право в качестве теоретической возможности и в своем реальном воплощении на городских площадях в разных точках мира провозглашало другой мир, новые социальные институты и ослабление существующих точек социального напряжения. Оно является ответом на вопрос, что делать, когда существующие институты перестают работать.

Представленная рамка полезна не только для анализа возможных вариантов развития современных обществ, встречающихся с вызовами разного рода и требующих перемен. Три типа права, предложенные Сантушем, являются исчерпывающей категоризацией динамичных социальных эффектов законов, действующих в обществах: закон консервирует существующее положение дел, или видоизменяет его, или предлагает совершенно новую утопичную альтернативу отжившей социальной практике. При этом «закон» предлагается понимать не только как текст, имеющий правовые эффекты и принятый в соответствии с процедурными требованиями, а в его плюралистичном определении (Teubner 1997). Такое понимание закона предполагает, что исследователю доступна его конкретная эмпирическая форма, одновременно сочетающая в себе интерпретацию нормы, отсылки к процедуре ее возникновения и контекст, придающий ей значение в момент исследования. Для примера и целей этой статьи я рассмотрю закон о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» в этом ключе.

Федеральный закон № 135 от 29.06.2013 г. был внесен на рассмотрение в Госдуму годом ранее с требованием «запрета совершать действия, направленные на популяризацию гомосексуализма» (Пояснительная записка)*. В документации к законопроекту в декларативной форме сообщалось, что «[п]ропаганда гомосексуализма приняла в современной России широкий размах», никаких фактов или обоснованных данных об этом не приводилось. К моменту принятия текст закона претерпел изменения, и в своей окончательной форме он был призван запретить «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» (Ст. 6.21 КоАП). По характеру текст закона представляет собой ограничение на распространение определенной информации, то есть цензуру (Горбачев 2014: 96). С момента его принятия закон применялся десятки раз в разных регионах страны как раз с целью цензуры информации о ЛГБТ в медиа (газетах, журналах, социальных сетях) и в публичности (политические протестные акции).

* Документация законодательной инициативы доступна на сайте Государственной Думы РФ: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=44554-6&02](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=44554-6&02).

Если анализировать текст этого закона при помощи типологии Сантуша, то он подпадает под определение конфигурационного права, то есть воспроизводит уже существующую конфигурацию властных отношений. В феминистской и квир-теории активно обсуждается понятие «гетеронормативность» — система отношений власти в обществе, при которой гетеросексуальность является единственным приемлемым вариантом сексуальности, а любые иные формы сексуальности считаются отклонением (Warner 1993: 14; Виттиг 2002). В социологии понятие «гетеронормативность» используется для анализа общественной системы, в которой для каждого индивида сформированы социальные ожидания по поводу ее/его гетеросексуальности — по умолчанию человек считается гетеросексуальным (Seidman 1999). От соответствия этим ожиданиям зависит получение социального одобрения и включенность в общество, либо — если ожидания не оправдываются — маргинальный статус индивида (Johnson 2002; Кондаков 2012). Такая система властных отношений и называется гетеронормативностью.

Закон о «пропаганде» очевидным образом выстроен в согласии с этой конфигурацией власти: в его логике, дети по умолчанию считаются гетеросексуальными пока они не оказались подвержены намеренному «искажению» своих «естественных» сексуальных влечений через пропаганду. Иными словами, закон поддерживает презумпцию гетеросексуальности, то есть воспроизводит такую конфигурацию властных отношений, в рамках которой гетеросексуальность является единственной одобряемой нормой. Это и указывает на конфигурационный тип данной нормы права. В альтернативной системе властных отношений гетеросексуальность и гомосексуальность могли бы занимать равное друг другу символическое положение и, соответственно, подобный закон не имел бы смысла — зачем запрещать то, что равноценно одобряется в обществе наравне с другими феноменами?

Разные объекты, подвергаемые типологизации, редко точно соответствуют лишь какому-то одному классу предметов. Так, закон о «пропаганде» наряду с конфигурационным правом можно понимать и как отчасти реконфигурационное право тоже. Это означает, что в нем есть потенциал реформаторства, попытка изменить существующую конфигурацию власти. Гетеронормативность в этом смысле объясняет символическое иерархическое расположение гетеросексуальности и гомосексуальности друг по отношению к другу. Однако на уровне практики отношений между людьми гетеронормативность воспроизводится лишь в некоторой степени. Иными словами, хотя российское общество в целом гетеронормативно, многие сексуальные практики современного российского общества отклоняются от того жесткого стандарта, который явлен в тексте закона

о «пропаганде» (Нартова 2008; Парфенова 2010; Kondakov 2014). Тогда этот закон призван привести общество в соответствие с очень узким пониманием сексуальности, реформировать существующие отношения власти через возврат к архаичной системе сексуальных координат. Именно это демонстрирует введение в текст закона понятия «традиционные сексуальные отношения», которое указывает, что в прошлом существовали ныне подорванные стандарты сексуальных отношений между людьми и что в задачи закона входит восстановление этого якобы ранее существовавшего положения дел (Муравьева 2014). Стоит ли в этой связи упоминать, что понятие «нетрадиционные сексуальные отношения» не отсылают к каким-либо фактически существовавшим практикам или традициям (Хили 2014: 55).

Таким образом, текст закона о «пропаганде» призван разрешить конфликт между идеалистическим видением общества законодателями и тем состоянием, в котором оно находится. Причем, согласно дизайну нормы, исполнение закона должно привести общество в соответствие с его «традиционной» формой, представляемой авторами закона. В том, что касается сексуальности, эта форма соответствует доминирующему типу властных отношений — гетеронормативности. Однако дизайн норм, как социологи права убедительно показывают, может кардинально отличаться от практики их применения, особенно, если понимать применение норм в духе нового правового реализма — их интерпретации не только юристами, но и самими гражданами. Поэтому эффекты закона о «пропаганде» можно анализировать комплексно, если обратиться к эмпирическим данным в следующих разделах статьи.

Методология — спроси повседневных экспертов

Представленные выше теории социологии права и квир-исследований в своем понимании термина «власть» основываются на его трактовке, данной Мишелем Фуко. Он предлагал отличать архаичный тип власти, иерархически направленной сверху-вниз, от власти, функционирующей в современных обществах (Foucault 1990). Современная власть, как показал Фуко, имеет два взаимосвязанных состояния: дисперсные отношения между субъектами, которыми пронизано общество, являются отношениями власти с одной стороны; с другой — такие отношения могут кристаллизоваться в похожие на классический тип власти тексты законов и предписаний (Foucault 1990: 92-93). В предыдущем разделе я рассмотрел то состояние властных отношений, в котором они даны в тексте закона о «пропаганде». Далее будут даны замечания методического характера о рассмотрении другого состояния властных отношений, микровзаимодействий между людьми.

В этом эмпирическом исследовании отношения власти помещены в институциональный контекст, поскольку рассматриваются суждения, высказанные школьными учителями по поводу школы. Подобный дизайн исследования также типичен для работ, основанных на определении власти Фуко, поскольку он сам часто рассматривал различные организации — такие как тюрьмы и психиатрические лечебницы (Фуко 2010, 1999) — в качестве релевантных институциональных сред для проявления властных отношений в наиболее очевидных формах. Тем не менее, в моем случае протокол исследования получился таким непреднамеренно, что является скорее преимуществом, а не недостатком работы. Основу эмпирических данных составили глубинные интервью с учителями школ, собранные в ходе прикладного исследования для Российской ЛГБТ-сети. То исследование касалось выявления дискриминации, с которой сталкиваются учителя, относящиеся к ЛГБТ, в своей работе. Однако в ходе интервью информантами были озвучены суждения, анализ которых раскрывает эффекты закона о «пропаганде» и поэтому может использоваться и в этой статье. Преимуществом же такого метода является то, что исследование заранее не было сфокусировано на попытке раскрытия темы закона о «пропаганде», и, следовательно, все выводы не являются ведомыми исследовательской перспективой на проблему, а появляются из самих данных.

Суждения информантов задаются характером самой выборки. В рамках исследования интервью проводились с людьми, которые имеют активное знание по вопросам, связанным с ЛГБТ: либо сами относят себя к соответствующему сообществу, либо активно участвуют в политической деятельности за права ЛГБТ («союзники»). Это было сделано по двум причинам. Во-первых, обсуждать вопросы, связанные с ЛГБТ в школе, сложно, эта тема является сензитивной (Здравомыслова, Темкина 2014: 105-106). Какое-либо личное отношение к вопросам ЛГБТ увеличивало шансы на то, что человек согласится на интервью. Но даже это обстоятельство, однако, не позволило локализовать большее количество информантов — многие учителя отказывались говорить с исследователями. Во-вторых, учителя из числа ЛГБТ могут иметь больше знаний по интересующей проблематике, поскольку она непосредственно их касается. Мы выясняли, сталкиваются ли ЛГБТ с дискриминацией в школе, что было логично выяснять не через посредников, взвешивая их оценки, а непосредственно у тех, кто мог сталкиваться с такой дискриминацией. Этот подход для определения информантов выполнен в духе поиска «повседневных экспертов», то есть людей, знающих на собственном опыте, какое отношение к вопросам, связанным с ЛГБТ, сформировалось в школе (см., Штейнберг 2009: 52).

Все интервью проводились в Петербурге, а учителя на момент интервью проживали в городе на Неве и имели опыт работы здесь. Наряду с заранее

заданной перспективой выборки (суждения самих ЛГБТ о вопросах, связанных с ЛГБТ), это обстоятельство является еще одним ограничением исследования. Несмотря на то, что закон о «пропаганде» является федеральным, дальнейший анализ показывает его эффекты в конкретных школах Петербурга. В других регионах эти эффекты могут быть иными, в зависимости от локальных обстоятельств, обуславливающих интерпретации правовых норм в региональных контекстах. С другой стороны, это исследование — качественное исследование, и, соответственно, оно не претендует на широкие обобщения. В анализе я покажу возможное разнообразие эффектов закона о «пропаганде», но не задаюсь вопросом о том, насколько эти эффекты широко распространены или интенсивны.

Выборка имеет и важные преимущества в смысле своего дизайна. Хотя в рамках исследования проведены одиннадцать интервью с повседневными экспертами, разнообразие их опыта оказалось важным с точки зрения качественного подхода (Ковалев, Штейнберг 2009: 72). В круг собеседников исследования попали люди с очень разным преподавательским и жизненным опытом: учителя гуманитарных, социальных, естественных наук и искусства со стажем работы от одного года до семнадцати лет. Среди них пять женщин и шесть мужчин, двое имеют опыт работы в частных школах, остальные — в государственных общеобразовательных учреждениях, трое определяются как союзники ЛГБТ, одна — лесбиянка, пятеро — геи, двое — бисексуалки. Беседа проходила по принципам полуструктурированного биографического интервью (Рождественская 2012), все данные анонимизировались, на запись интервью были получены информированные согласия.

Эффекты закона о «пропаганде» в школе

Эффекты законов не всегда напрямую сказываются на повседневности. Современное законодательство достаточно интенсивно, но даже в условиях широкого освещения деятельности государственных органов не о каждой новой норме становится известно каждому гражданину, хотя незнание закона и не освобождает от ответственности. Тем не менее, в том, что касается интересующей меня нормы права, ее принятие не прошло незаметно и — что еще более важно в контексте исследования — информантами были отмечены эффекты принятия закона о «пропаганде», а не только сам факт, о котором они могли узнать в СМИ. Иными словами, исследование показывает, что этот закон оказал непосредственное влияние на повседневную профессиональную работу школьных учителей.

Так, ЛГБТ-учителя, имеющие опыт работы в школе до вступления в силу закона о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений» и после, отмечают изменения в худшую сторону условий своего труда. Если до этого

закон вопросы гомосексуальности, хоть и не поощрялись, но могли обсуждаться или не всегда считались проблематичными, то после введения закона в действие тема ЛГБТ превратилась в табу:

«Буквально пять лет назад эта тема еще могла быть, да, как я разговаривал несколько раз с учителями, еще могла быть обсуждаема, неважно, в каком контексте — положительном, отрицательном. Сейчас просто вот... этой темы нет. И человек, который это делает, чаще всего его доводят до того состояния, вообще любого, кто хочет проявить какую-то инициативу, он кладет документ на стол по собственному желанию» (гей, 3 года, доп. образование).*

В этом отрывке из интервью ярко проявляется сравнительная перспектива времени до и после принятия закона о «пропаганде», при этом информант отмечает, что эффект закона выражается в установлении режима замалчивания темы гомосексуальности. То есть результатом принятия закона становится не усиление негативных оценок в отношении ЛГБТ, а игнорирование этой тематики. Следует, однако, отметить, что, согласно анализу в квир-теории (Warner 1993), замалчивание производит эффект безальтернативности доминирующих отношений. Иными словами, если не говорить о гомосексуальности, то будет поддерживаться статус гетеросексуальности как единственной естественной формы сексуальности. Это соотносится с эффектом конфигурационного права — закона, поддерживающего существующие отношения власти.

Отмеченный эффект закона о «пропаганде» ощущается повседневными экспертами не только в школьных стенах. Казалось бы, закон призван продвигать официальную политику государства через государственную систему образования, но профессиональная деятельность учителя нередко захватывает и частные, внеурочные, пространства:

«Я в свое время, когда вот работал в [школе], где было совсем все нелиберально, но были другие времена, были другие времена. И я вообще что-то как-то ничего не боялся совершенно, поэтому... сейчас я бы и хотел бы куда-то пойти, но сейчас я уже не пойду. И ни в каких, естественно, ни в сетях, ни в каких вот этих вот... Потому что, это же совершенно не... [Пауза]» (гей, 12 лет, ин. яз.).

Представленный выше отрывок не только повествует об устанавливаемой из-за действия закона о «пропаганде» системе умолчания по вопросам гомосексуальности, но и сам по себе характеризуется активным применением замалчиваний в качестве риторических приемов. Информант рассказывает, что до введения закона были «другие времена», когда он мог относи-

* Для идентификации информантов указывается сексуальность, стаж работы в школе, предметная область.

тельно свободно поднимать разные темы в классе, в том числе обсуждать гомосексуальность. В одном из фрагментов интервью он рассказал, как обсуждал тему однополых браков, которая была частью рекомендованного учебника по иностранному языку. Сейчас эту тему обсуждать уже не приходится. Более того, во второй части цитаты выше информант пытается рассказать не о своих практиках в школе, а о том, что он опасается вообще вести стиль жизни, даже вне школы, который как-либо компрометировал бы его в качестве гомосексуального мужчины. Фраза «сейчас я бы и хотел бы куда-то пойти, но сейчас я уже не пойду», поясненная в других частях интервью, указывает на то, что учитель отказывается от посещения мест, в которых появляются мужчины-геи, поскольку, если об этом кто-либо узнает в школе, он может стать центром скандала и лишиться работы. Такое суждение может показаться слишком надуманным. Тем не менее, мой анализ показывает, что опасения вполне реальны. Ниже я продемонстрирую, как именно эффекты закона о «пропаганде» могут сказываться на школьных учителях.

Не спрашивай, не говори

Контроль рабочего пространства учителя осуществляется комплексом административных и правовых мер, среди которых закон о «пропаганде» является лишь элементом. Судя по данным исследования, проводниками контроля являются директора школ, а источниками — федеральные и муниципальные чиновники. Свой вклад в осуществление техники контроля также делают коллеги, ученики и их родители. Как в классических примерах Фуко, контроль распределен между субъектами — каждый следит за каждым, включая себя самого. Такая система создается отношениями власти и является их проявлением. В этом конкретном случае эту конфигурацию власти я выше обозначил как гетеронормативность. Сейчас я предлагаю детальнее разобрать, как гетеронормативность выглядит эмпирически — в рассказах информантов.

На повседневном уровне гетеронормативность проявляется в простых предубеждениях и постоянных напоминаниях о необходимости соблюдать нормы гетеросексуальности, узко понимаемые как «своевременный» брак, генитальные гетеросексуальные отношения и рождение детей. Так, достаточно ярко свои разговоры с коллегами описывает учитель-гей, которого все считали гетеросексуальным мужчиной:

«...эти постоянные школьные шутки, что там вот: «Вот, обрати внимание там, вот, на ту вот — она свободная. И ты уже не первой молодости, и надо детей» ... со временем, поработав в разных [школах] и поучившись на разных курсах повышения квалификации и так далее, я пришел к выводу, что [школьные учительницы] — это советские тетki, у которых разгово-

ры в учительской сводятся, как правило, там: борщ, муж, «когда-жениться?»» (гей, 12 лет, ин. яз.).

Влияние гетеронормативности на повседневный опыт может казаться безобидным, поскольку ее эффекты часто не осмысляются как вредные или вообще не связываются напрямую с давлением отношений власти. Люди понимают эти обстоятельства как правила игры, которые невозможно преодолеть, а потому следует подстраиваться под них. Однако, по Фуко, в этом и заключается механизм подчинения: создание иллюзии невозможности сопротивления (Foucault 1990: 81-82). На самом деле, как отмечает тот же информант, «это [как] постоянно на пороховой бочке сидеть».

Распространенной техникой поддержания гетеронормативности в школах является неформальная политика «не спрашивай, не говори»: никто не должен интересоваться сексуальностью другого человека, и никто не должен рассказывать о своей сексуальности. Именно так называют это требование информанты, вспоминая схожую политику в армии США 1990-х гг.: «в обеих школах, в общем, была негласно принята практика don't ask, don't tell» (гей, 8 лет, общест. науки). Конечно, эта неформальная политика касается только негетеросексуальных людей, поскольку о замужестве, детях, семейных отношениях гетеросексуалов и постоянно спрашивают, и постоянно говорят в учительских, как свидетельствует цитата выше. Если же об отпуске с любимым мужчиной в учительской расскажет другой мужчина, эта история будет расценена как скандальная.

Неформальная политика «не спрашивай, не говори», описываемая информантами всех школ, кроме частных, формируется не сама собой — на ее производство, распространение и поддержание влияют конкретные субъекты. Так, роль директора в системе поддержания гетеронормативности, судя по интервью, сводится к постоянному мониторингу рисков для школы и реализации тактик защиты от скандалов. То есть директор не проводит какую-то определенную политику в отношении ЛГБТ, а оценивает, насколько связанные с ЛГБТ вопросы могут «повредить» школе, вызвав давление вышестоящих органов власти. Например, по словам одной из собеседниц, когда на нее стали писать публичные доносы неоконсервативные активисты, считающие необходимым избавиться от учительниц-лесбиянок, директриса «не собиралась меня увольнять, она просто не хотела скандала для ее школы» (би, 2 года, общест. науки) и поэтому просила написать заявление об уходе по собственному желанию.

Судя по историям, рассказанным нашими информантами, страх скандала, связанного с ЛГБТ, движет многими директорами разных государственных школ — от престижных до среднестатистических. Директор школы в случае угрозы возникновения публичного обсуждения ее заведения в контексте сексуальности спешит избавиться от находящегося в фокусе внима-

ния сотрудника. При этом учителям предлагают увольнение «по собственному желанию» вместо испорченной трудовой книжки, что расценивается информантами как проявление доброй воли директора:

«...даже при всем при том, что, может быть, директор и хорошо к тебе относится, и, может быть, он не гомофоб, но он просто должен будет обезопасить себя [школу]. И в лучшем случае, что он окажется порядочным человеком, не будет никому рассказывать» (гей, 12 лет, ин. яз.).

Как говорят наши собеседники, большое влияние на директоров школ оказывают вышестоящие чиновники. Для этого у них, по мнению информантов, есть соответствующие формальные инструменты давления. Наличие многочисленных контролирующих органов, обладающих всей полнотой власти, делает роль администрации школы малозначительной в вопросах, которые решены на федеральном уровне в ту или иную сторону. В условиях однозначной оценки гомосексуальности в негативном ключе посредством закона о «пропаганде», даже существовавшие раньше открытые для ЛГБТ школы, вынуждены менять свою политику из-за страха прокурорской проверки:

«...вся администрация, администрация практически любой школы, у них установка такая — мы работаем на прокуратуру, то есть любое действие учителя, любое действие администрации, оно может быть использовано против школы прокуратурой. И, соответственно, ни одному администратору, ни одному учителю, в смысле, ни одному администратору, ни одному директору дополнительные проверки, дополнительный какой-то гоморрой с прокуратурой не нужны, поэтому они стараются все такие спорные и острые темы изначально избежать, чтобы их не было, не возникало, перестраховаться» (гей, 8 лет, общест. науки).

Среди наиболее часто упоминаемых органов государственной власти, которые существенным образом влияют на политику школы, упоминались прокуратура и РОНО (районные отделы народного образования, сохраняющие на уровне повседневного использования это советское наименование). Прокуратура реагирует на обращения граждан. В частности, в рамках исследования была рассказана история, как одна из учениц написала обращение в прокуратуру, жалуясь на «пропаганду гомосексуализма», хотя на самом деле была недовольна поставленной оценкой. Широкой огласке были приданы случаи доносов в органы власти на учителей школ по всей России, организованные неоконсерваторами*. РОНО также принимает участие в поддержке этой системы властных отношений, угрожая законом о «пропаганде»: *неоконсерваторы «капают» «на мозги Управления образования,*

* См., напр., «Родительский контроль: учителя требуют уволить за поддержку ЛГБТ»: <http://paperpaper.ru/bogach/>.

Управление образования капало на мозги директорисе, и в итоге она капнула на мозги мне, и я уволилась» (би, 2 года, общест. науки).

Что касается учеников, то, по оценкам повседневных экспертов этого исследования, подростки в школе не стесняются гомофобных высказываний, но и не поддерживают гомофобию. Учителя считают, что гомофобия не является наиболее распространенной позицией среди подрастающего поколения: *«За последние 15 лет я увидел, что дети, подростки стали гораздо более тер... толерантны к гендерной идентичности»* (гей, 8 лет, ин. яз.). Тем не менее те из учителей, принявших участие в исследовании, которые наиболее ревностно защищаются от риска раскрытия своей гомосексуальности, в качестве защиты ограничивают свою коммуникацию с учениками пределами узкой предметной области, доверенной им школой, что, правда, вступает в конфликт с их видением педагогической профессии:

«Как педагог ты же должен не только учить [иностранному] языку, но и в принципе что-то видя, каким-то образом пытаться помочь [если ученик обратился с вопросом о ЛГБТ]. Но ты настолько зажат, что ты даже и... даже подозревая и имея в виду, что ты как-то можешь помочь, то ты никогда не будешь помогать, потому что ты подумаешь, что не дай бог что, тебя еще обвинят в педофилии» (гей, 12 лет, ин. яз.).

Как показывает это суждение, страх ассоциироваться с темой гомосексуальности подстегивается опасениями о том, что любая коммуникация на эту тему между подростком и взрослым будет абсурдным образом расценена не как разъяснение каких-либо научных данных, а как сексуальный акт. Несмотря на то, что подобное мнение может показаться преувеличением, оно демонстрирует уровень недоверия к современной системе правоприменения и правосудия.

Помимо государства в отношениях между учителями и учениками также незримо присутствует еще один участник — родители. Они упоминались информантами в качестве важных проводников гомофобии, которые в случае возникновения каких-либо подозрений могут составить жалобу на учителя директору или в органы государственной власти. Если учитель проживает в том же районе, где находится школа, то родители контролируют ее/его еще и в качестве соседей, хотя им доступны способы контроля и в виртуальном пространстве:

«Однажды мне одна коллега сказала, чтобы я, там, осторожнее относилась к фоткам в «Контакте», потому что чьи-то родители залезли на мой профиль, посмотрели и как-то не очень хорошо высказались... я как бы все это удалила и «Контактом» перестала пользоваться» (союзник, 3 года, искусство).

Обобщая вышесказанное в этом разделе, можно сделать вывод о том, что закон о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений» стал ин-

струментом для поддержания существующих властных отношений — гетеронормативности — в руках разных субъектов этих отношений. В случае возможности и необходимости, диктуемой обстоятельствами, администрация школ, коллеги, ученики, их родители или органы государственной власти могут воспользоваться им для давления на учителя.

Заключение

Это исследование было проведено по материалам интервью с учителями среднеобразовательных школ, которые рассказывали свои биографии в связи с вопросами дискриминации ЛГБТ в школах. Одна из тем, которая оказалась наиболее актуальна для информантов, — это эффекты закона о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений» на их повседневную профессиональную деятельность. Именно поэтому этот аспект стал центральным для моего исследования. Я проанализировал, какие эффекты этот закон может иметь на взаимоотношения между людьми в контексте распределения власти в обществе на примере организаций среднего образования в Петербурге. Такие исследовательские задачи решает новый правовой реализм, одно из актуальных направлений в социологии права.

Закон о «пропаганде» был охарактеризован как конфигуративное право в терминах Сантуша, то есть такая норма, которая призвана поддерживать существующие отношения власти. Его основная задача — воспроизводство гетеронормативности, системы отношений, при которой гетеросексуальность считается единственной легитимной формой сексуальности, а иные формы — маргинализируются. Жесткость формулировок закона позволяет предположить, что отчасти это также реконфигуративное право, нацеленное на некоторое реформирование властных отношений, а именно — на установление еще более архаичной формы гетеронормативности чем та, которая распространена в современной России.

На уровне практик — и на примере школ Петербурга — закон о «пропаганде» не прошел незаметно. Он оказался инструментом для поддержания и, возможно, ужесточения власти некоторых субъектов в сложившейся институциональной среде. Посредством угроз применения этого закона учителя из числа ЛГБТ подвергаются контролю со стороны чиновников, администрации школы, коллег, учеников и их родителей, а также самих себя. Хотя закон о «пропаганде» не является единственным таким инструментом, его действие может быть достаточно специфичным для применения в сфере регулирования вопросов сексуальности. Он позволяет поддерживать и усиливать систему умолчания вокруг тематики ЛГБТ. Это в свою очередь означает, что поиски информации об этой теме приведут ищущих в далекие от школы пространства.

Изучение эффектов законов на уровне повседневности позволяет увидеть их действие с неожиданной стороны, раскрыть вопросы, которые не были осмыслены законодателями. Эта практика может быть полезной для анализа разного рода правовых норм с тем, чтобы полностью отдавать себе отчет, что текст закона и его реальные эффекты могут кардинальным образом отличаться друг от друга. Это исследование, несмотря на все его ограничения, — демонстрация потенциала социологии в изучении конкретных последствий бытования права в обществе.

* * *

Автор благодарит Российскую ЛГБТ-сеть за поддержку проекта, часть которого легла в основу этого исследования, а также Евгения Шторна и Полину Кислицыну за помощь в его проведении. Кроме того, хотелось бы отметить ценные советы и детальные комментарии соредактора этого номера Екатерины Бороздиной и анонимного рецензента.

Литература

- Виттиг М. (2002) *Прямое мышление*. М.: Идея-пресс.
- Волков В.В. (2011) Введение. Волков В.В. (ред.) *Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования*. М.: Статут: 3–14.
- Горбачев Н. (2014) Производство нормативности в дискурсе запрета «пропаганды гомосексуализма». Кондаков А. (ред.) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований*. СПб.: Центр независимых социологических исследований: 86–100.
- Здравомыслова Е., Темкина А. (2014) Феминистские рефлексии о полевым исследовании. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 1: 84–112.
- Иванова Е. (2015) Гендерный дисбаланс в российском судебном корпусе: феминизация профессии. *Журнал исследований социальной политики*, 13(4): 579–594.
- Ковалев Е., Штейнберг И. (2009) Проектирование качественного исследования. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. (ред.) *Качественные методы. Полевые социологические исследования*. СПб.: Алетейя: 67–79.
- Кондаков А. (2012) Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России. *Неприкосновенный запас*, 85(5): 249–258.
- Кондаков А. (2015) Неюридические подходы к изучению права. Кондаков А. (ред.) *Общество и право: исследовательские перспективы*. СПб.: Центр независимых социологических исследований: 1–24.
- Кондаков А. (2017) *Преступления на почве ненависти против ЛГБТ в России*. СПб.: Центр независимых социологических исследований.

Муравьева М.Г. (2014) Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России. *Журнал исследований социальной политики*, 12(4): 625–638.

Нартова Н. (2008) Другое (ли) тело: производство лесбийского тела в лесбийском дискурсе. Нартова Н., Омельченко Е. (ред.) *В тени тела*. Ульяновск: Изд-во Ульяновского Государственного университета: 93–110.

Парфенова О. (2010) «Тактик под маской стратега», или выход из «чулана» по-русски. *Гендерные исследования*, 20–21: 127–133.

Пронкина Е.С. (2016) Особенности ЛГБТ-дискурса в российских медиа, инициированного дискуссиями о регулировании сексуальности. *Журнал исследований социальной политики*, 14(1): 71–86.

Рождественская Е.Ю. (2012) *Биографический метод в социологии*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.

Титаев К., Шклярчук М. (2016) *Российский следователь: призвание, профессия, повседневность*. М.: Норма.

Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.

Фуко М. (2010) *Рождение клиники*. М.: Академический проект.

Хили Д. (2014) Что такое «традиционные сексуальные отношения»? Кондаков А. (ред.) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований*. СПб.: Центр независимых социологических исследований: 55–67.

Штейнберг И. (2009) Теоретические основы качественных методов в социальных науках. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. (ред.) *Качественные методы. Полевые социологические исследования*. СПб.: Алетейя: 47–66.

Butler J. (1997) *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. London: Routledge.

Erlanger H., Garth B., Larson J., Mertz E., Nourse V., Wilkins D. (2005) Introduction: New Legal Realist Methods. *Wisconsin Law Review*, 2: 335–363.

Foucault M. (1990) *The History of Sexuality. Volume I: An Introduction*. NY: Pantheon.

Freeman M. (2005) Law and Sociology. *Current Legal Issues*, 8: 1–15.

Hendley K. (2017) *Everyday Law in Russia*. Ithaca: Cornell University Press.

Johnson C. (2002) Heteronormative Citizenship and the Politics of Passing. *Sexualities*, 5(3): 317–336.

Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship. *Social and Legal Studies*, 23(2): 151–174.

Meyer D. (2010) Evaluating the Severity of Hate-motivated Violence: Intersectional Differences among LGBT Hate Crime Victims. *Sociology*, 44(5): 980–995.

Sarat A., Simon J. (2001) Beyond Legal Realism: Cultural Analysis, Cultural Studies, and the Situation of Legal Scholarship. *Yale Journal of Law & Humanities*, 13(4): 3–32.

- Seidman S. (1999) Beyond the Closet? The Changing Social Meaning of Homosexuality in the United States. *Sexualities*, 2: 9–34.
- Sheffield C. (1995) Hate Violence. In: Rothenberg P. (ed.) *Race, Class and Gender in the United States*, 3d ed. NY.: St. Martin's Press.
- Teubner G. (1997) *Global Law without a State*. Aldershot: Dartmouth.
- Valverde M. (2012) *Everyday Law on the Street: City Governance in an Age of Diversity*. Chicago: University of Chicago Press.
- Warner M. (1993) *Fear of a Queer Planet: Queer Politics and Social Theory*. Minneapolis: University of Minnesota.

CONFIGURATIONS OF LAW: HOW DOES THE LAW ON «PROPAGANDA» FUNCTION IN SCHOOLS

*Alexander Kondakov**

European University at St. Petersburg; Centre for Independent Social Research,
St. Petersburg, Russia

Citation: Kondakov A.A. (2017) Konfiguratsii prava: kak deystvuyet zakon o “propagande” v shkolakh [Configurations of Law: How Does the Law on “Propaganda” Function in Schools]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(5): 187–206 (in Russian).

Abstract: This research uses approaches of the new legal realism. I analyze relations of power that are subject to a dynamic reconfiguration in result of emergence of a new legal norm, which is designed to regulate the interaction between people about sexuality. The approach is built on the sociology of law and queer theory, which both are based on analytical concepts developed by Michel Foucault in his interpretation of power. The main goal of the study is to reveal the effects of the law of “propagation of non-traditional sexual relations” in the everyday interactions between people. The study is not concerned with the whole society, but it takes cases of discussion of this law by school teachers in St. Petersburg who shared their ideas within an empirical research interviews. The analysis considers a relatively small number of semi-structured biographical interviews with “everyday experts,” i.e. those people who learn from their own experience the effects of legislative initiatives. Eleven interviews were conducted with teachers of secondary schools, who expressed their friendly attitudes towards LGBT issues. This circumstances have methodological limitations, however, the research task does not seek for broad generalizations; rather, I am faced with the question of the applicability of the methods of the sociology of law to the analysis of the emerging legal relations as a result of the adoption of the law on “propaganda.” Discussion of homosexuality, which is censored by this law, is currently a taboo in schools, according to the study. The law is instrumentalized by various subjects of power relations in the school settings to exercise pressure on teachers. In this sense, it is not a unique instrument of control.

Keywords: LGBT, propaganda of non-traditional sexual relations, legislation, St. Petersburg, school

Acknowledgment

The author thanks the Russian LGBT Network for supporting the project, part of which was the basis of this study, as well as Eugene Storona and Polina Kislitsyn for their assistance in conducting this project. In addition, I would like to note valuable advice and detailed comments of the co-editor of this issue of Ekaterina Borozdina and an anonymous reviewer.

* E-mail: akondakov@eu.spb.ru

References

- Butler J. (1997) *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. London: Routledge.
- Erlanger H., Garth B., Larson J., Mertz E., Nourse V., Wilkins D. (2005) Introduction: New Legal Realist Methods. *Wisconsin Law Review*, 2: 335–363.
- Foucault M. (1990) *The History of Sexuality. Volume I: An Introduction*. NY.: Pantheon.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdeniye tyur'my* [Discipline and punish. The Birth of the Prison]. M.: Ad Marginem (in Russian).
- Foucault M. (2010) *Rozhdeniye kliniki* [The birth of the clinic]. M.: Academic Project (in Russian).
- Freeman M. (2005) Law and Sociology. *Current Legal Issues*, 8: 1–15.
- Gorbachov N. (2014) Proizvodstvo normativnosti v diskurse zapreta “propagandy gomoseksualizma” [Normativity Production in the Discourse around the Ban on “Homosexual Propaganda”]. In: Kondakov A. (ed.) *Na pereput'ye: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy* [On the crossroads: methodology, theory and practice of LGBT and Queer studies]. St. Petersburg: Center for Independent Social Research: 86–100 (in Russian).
- Healey D. (2014) Chto takoye “traditsionnyye seksual'nyye otnosheniya”? [What is “Traditional Sex”?]. In: Kondakov A. (ed.) *Na pereput'ye: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy* [On the crossroads: methodology, theory and practice of LGBT and Queer studies]. St. Petersburg: Center for Independent Social Research: 55–67 (in Russian).
- Hendley K. (2017) *Everyday Law in Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Ivanova E. (2015) Gendernyy disbalans v rossiyskom sudeyskom korpuse: feminizatsiya professii [Gender imbalance in the Russian judiciary: feminization of the profession]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 13 (4): 579–594 (in Russian).
- Johnson C. (2002) Heteronormative Citizenship and the Politics of Passing. *Sexualities*, 5(3): 317–336.
- Kondakov A. (2012) Chelovek i grazhdanin: seksual'nost' kak sposob konstruirovaniya grazhdanstvennosti v Rossii [Human and citizen: sexuality as a way of constructing citizenship in Russia]. *Neprikosnovennyy zapas* [NZ], 85 (5): 249–258 (in Russian).
- Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*, 23(2): 151–174.
- Kondakov A. (2015) Neyuridicheskiye podkhody k izucheniyu prava [Non-judicial approaches to the study of law] In: Kondakov A. (ed.) *Obshchestvo i pravo: issledovatel'skiye perspektivy* [Law and Society: Research Perspectives]. St. Petersburg: Center for Independent Social Research: 1–24 (in Russian).
- Kondakov A. (2017) *Prestupleniya na pochve nenavisti protiv LGBT v Rossii* [Hate crimes against LGBT in Russia]. St. Petersburg: Center for Independent Social Research (in Russian).
- Kovalev E., Steinberg I. (2009) Proyektirovaniye kachestvennogo issledovaniya [Designing qualitative research]. In: Steinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (eds.) *Kachestvennyye metody. Polevyye sotsiologicheskiye issledovaniya* [Qualitative methods. Field sociological research]. St. Petersburg: Aletya: 67–79 (in Russian).
- Meyer D. (2010) Evaluating the Severity of Hate-motivated Violence: Intersectional Differences among LGBT Hate Crime Victims. *Sociology*, 44(5): 980–995.
- Muravyeva M.G. (2014) Traditsionnyye tsennosti i sovremennyye sem'i: pravovyye podkhody k traditsii i modernu v sovremennoy Rossii [Traditional values and modern families: legal approaches to tradition and modernity in modern Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 12 (4): 625–638 (in Russian).

Nartova N. (2008) Drugoye (li) telo: proizvodstvo lesbiyskogo tela v lesbiyskom diskurse [Another body?: the production of a lesbian body in lesbian discourse]. In: Nartova N., Omelchenko E. (eds.) *V teni tela* [In the shadow of the body]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University: 93–110 (in Russian).

Parfenova O. (2010) “Taktik pod maskoy stratega”, ili vykhod iz “chulana” po-russki [“Tactician under the guise of a strategist,” or coming out of the “closet” in Russian]. *Gendernyye issledovaniya* [Gender Studies], 20–21: 127–133 (in Russian).

Pronkina E.S. (2016) Osobennosti LGBT-diskursa v rossiyskikh media, initsirovannogo diskussiyami o regulirovanii seksual'nosti [Features of LGBT discourse in Russian media, initiated by discussions on regulating sexuality]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 14 (1): 71–86 (in Russian).

Rozhdestvenskaya E.Yu. (2012) *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology]. M.: NIU HSE Publishing House (in Russian).

Sarat A., Simon J. (2001) Beyond Legal Realism: Cultural Analysis, Cultural Studies, and the Situation of Legal Scholarship. *Yale Journal of Law & Humanities*, 13(4): 3–32.

Seidman S. (1999) Beyond the Closet? The Changing Social Meaning of Homosexuality in the United States. *Sexualities*, 2: 9–34.

Sheffield C. (1995) Hate Violence. In: Rothenberg P. (ed.) *Race, Class and Gender in the United States*. 3d ed. NY.: St. Martin's Press.

Steinberg I. (2009) Teoreticheskiye osnovy kachestvennykh metodov v sotsial'nykh naukakh [Theoretical foundations of qualitative methods in social sciences]. In: Steinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (eds.) *Kachestvennyye metody. Polevyye sotsiologicheskiye issledovaniya* [Qualitative methods. Field sociological research]. St. Petersburg: Aletya: 47–66 (in Russian).

Teubner G. (1997) *Global Law without a State*. Aldershot: Dartmouth.

Titaev K., Shklyaruk M. (2016) *Rossiyskiy sledovatel': prizvaniye, professiya, povsednevnost'* [Russian Investigator: vocation, profession, everyday life]. M.: Norma (in Russian).

Valverde M. (2012) *Everyday Law on the Street: City Governance in an Age of Diversity*. Chicago: University of Chicago Press.

Volkov V.V. (2011) Vvedeniye [Introduction]. In: Volkov V.V. (ed.) *Pravo i pravoprimeneniye v Rossii: mezhdistsiplinarnyye issledovaniya* [Law and Enforcement in Russia: Interdisciplinary Studies]. M.: Statute: 3–14 (in Russian).

Warner M. (1993) *Fear of a Queer Planet: Queer Politics and Social Theory*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Wittig M. (2002) *Pryamoye myshleniye* [Straight mind]. M.: Idea-press (in Russian).

Zdravomyslova E., Temkina A. (2014) Feministskiye refleksii o polevom issledovanii, [Feminist reflections on the field study]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Studies], 1: 84–112 (in Russian).